

УДК:
93/94

ПЕЧАТЬ О V ВСЕРОССИЙСКОМ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ
СЪЕЗДЕ 1881 ГОДА
В ТИФЛИСЕ: ВЛАСТЬ И НАУКА

*The 5th Russian Archaeological
Congress of 1881 in Tiflis in the
Press: Power and Science*

Автор:
Александра
Кокиева

Author:
Aleksandra
Kokieva

Ключевые
слова:
интеграция
Кавказа,
археологический
съезд, Тифлис
(Тбилиси).

Key words:
integration of
the Caucasus,
archaeological
congress, Tiflis
(Tbilisi).

Аннотация

В конце XIX в. Российская империя начинает освоение пространства Кавказа силами науки, частью этого процесса в 1881 г. становится V Всероссийский археологический съезд в Тифлисе. В данной статье при помощи анализа печати показывается, как общество видело взаимоотношения власти и науки в связи с проведением научного события на Кавказе.

Abstract

At the end of the XIX century, the Russian Empire began the conquest of the Caucasus by the forces of science. For this reason, there was organized the 5th Russian Archaeological Congress in Tiflis in 1881. In this article, using the analysis of the press, it is shown how society viewed the relationship between government and science through the scientific event in the Caucasus.

В XIX в. в Российской империи институционализируется наука археология, появляются научные сообщества, ведущую роль среди которых играют Московское археологическое общество и Императорская археологическая комиссия (именно они координировали исследования на территории империи) [Императорская археологическая комиссия 2009]. Как отмечают исследователи, в тот период внимание археологов было сосредоточено не только на данных своей науки, но и на исследованиях смежных дисциплин (истории, этнографии, нумизматики, филологии и др.) [Смирнов 2011: 10–11]. Такая междисциплинарность отразилась в концепции проводимых в кон. XIX–нач. XX в. Всероссийских археологических съездов, на которых зачитывались доклады не только по археологии, но и по истории, этнографии, филологии. Инициированные в 1860-ые годы графом А.С. Уваровым [1] съезды стали регулярно проводиться в разных городах Российской империи. Такие мероприятия, во-первых, привлекали внимание исследователей к изучению разных регионов Российской империи, тем самым сближая ученых всей империи, во-вторых, допускали к участию в съезде людей, не имеющих научной степени, тем самым популяризируя науку [Серых 2014а; Смирнов 2011; Лоскутова 2009]. К организации съездов проявляло внимание государство. Проведение каждого съезда согласовывалось с министерством народного просвещения и императором, а финансирование зачастую исходило от государства или членов царской фамилии [Серых 2014а: 74–79]. Также, по мнению исследователей, съезды были связаны с процессом русификации окраин империи, являясь, с одной стороны, осуществлением этой политики, с другой стороны, испытывая на себе ее влияние, что отразилось на темах, поднимаемых на съездах. Классическим примером подобного влияния в историографии являются съезды в Прибалтике и на Кавказе. Они иллюстрируют собой провал политизации съездов в одном случае, и ее успех в другом. Так, если съезд в Прибалтике был встречен публикой негативно, то съезд на Кавказе оказался самым популярным из всех. Более того, по итогам проведения последнего Московское археологическое общество получило статус Императорского [Смирнов 2011; Серых 2014а]. Таким образом, в историографии показано, как археология приобрела роль проводника имперской политики, осознаваемую как самим государством, так и археологами.

[1] – Уваров Алексей Сергеевич (1824–1884) – русский археолог, сын Сергея Сергеевича Уварова. Основатель Московского археологического общества. Инициатор проведения Всероссийских археологических съездов. По мнению исследователей, именно благодаря его связям и влиянию стало возможным проведение этих мероприятий [Серых 2014а].

Связь археологии и имперской политики ставит съезды в центр дискуссий об отношениях науки и власти в Российской империи конца XIX в. Из историографии, посвященной съездам, следует, что государство поставило археологов-экспертов на службу своим интересам. Альтернативная точка зрения в историографии заключается в том, что административная система и самодержавие Российской империи оказывали сопротивление экспертам в их попытке способствовать установлению властных отношений. Это направление в историографии было вдохновлено концепциями М. Фуко о роли экспертного знания в обществе и государстве, а также концепцией Э. Саида об ориентализме, его влиянии при построении идентичности на основе противопоставления «свой» — «чужой» и его связи с европейским колониализмом. Эти концепции вызвали критику со стороны специалистов по истории Российской империи. Так, в работах Л. Энгельштейн и Н. Найта показано, что российское самодержавие и бюрократия не дали экспертам осуществить влияние на управление империей в полной мере [Engelstein 1993; Knight 2000]. Статья Н. Найта о неудачной попытке востоковеда содействовать администрации Оренбурга вызвала дискуссию на страницах журнала «Критика». Дискуссия была посвящена проблемам изучения российского ориентализма, связанным с «восточностью» Российской империи относительно «Европы» и «европейскостью» относительно «Востока», а также вытекающими из этого сложностями построения идентичности. Всего исследователями было предложено три варианта взгляда на Российскую империю в ее отношениях с «Востоком»: как на уникальный случай, как на вариацию европейских случаев и как на типично европейский случай [Ex Tempore 2000]. О проблемах российского ориентализма пишет и В. Тольц, говоря о «собственном Востоке России» и обозначая две тенденции в развитии отечественной науки: стремление к «национализации» и расширению связей с европейским научным миром [Тольц 2013].

В настоящей статье при помощи анализа газетных публикаций о Тифлисском съезде раскрываются некоторые аспекты отношений, связывающих науку, власть и общество. Это становится возможным благодаря применению концепции «конструирующей силы дискурса» и взаимосвязи власти и знания М. Фуко, которая предполагает возникновение отношений власти при формировании области знаний и наоборот [Филлипс, Йоргенсен 2008; Фуко 1999]. Следовательно, включение научного события в дискурсы в печати может рассматриваться как возникновение отношений

власти: с этого момента взаимодействие науки с властью выходит за рамки производства научного знания, что так или иначе отражается в текстах периодических изданий. В данной работе предпринимается попытка доказать положения о том, что, во-первых, тесная связь науки и власти осознается обществом Российской империи конца XIX в., во-вторых, что это осознание оборачивается критикой как научности съезда, так и власти [2].

V Всероссийский археологический съезд в Тифлисе состоялся в 1881 г. Исследователи выделяют два главных социально-политических контекста, связанных с проведением съезда: внешний — окончание русско-турецкой войны 1877–1878 гг. [3] и внутренний — вступление на престол Александра III, при правлении которого усиливается политика русификации [Смирнов 2011; Серых 2014а]. Таким образом, съезд оказывается втянут параллельно в процесс закрепления Кавказа за Россией и в процесс формирования «русской» империи (что перекликается с мнением В. Тольц о двух стремлениях отечественной науки, описанных выше). Это отразилось на вопросах, поднимаемых на съезде: впервые православные памятники были отделены от мусульманских. На предыдущем съезде в Казани — территории, на которой политика в отношении мусульман была для империи не менее актуальна, чем на Кавказе — такого разделения еще не было [Смирнов 2011; Серых 2014а]. Также следует отметить, что место проведения V съезда было дискуссионным, пока на выборе в пользу Кавказа не настоял великий князь Михаил Николаевич [4]. Итоги съезда в историографии оцениваются с двух точек зрения. Во-первых, съезд положил начало активному научному изучению Кавказа [Императорская Археологическая Комиссия 2009; Колесникова и др., 2019]. Во-вторых, способствовал утверждению власти Российской империи на Кавказе, что отразилось на вопросах, обсуждаемых на съезде [Смирнов

[2] – О власти, знании и Тифлисском съезде см. также в статье «V Всероссийский археологический съезд 1881 года в Тифлисе и культурная политика Российской империи на Кавказе в свете периодической печати 1881–1882 годов», где подробно разбираются выявленные в печати дискурсы и то, на чем они строятся [Кокиева 2020].

[3] – Конечно, отдельные сведения о культурном наследии Кавказа собирались и ранее, но только после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. стало возможным настоящее научное изучение Кавказа [Смирнов 2011; Серых 2014а; Императорская археологическая комиссия 2009].

[4] – Великий князь Михаил Николаевич (1832–1909) — младший сын Николая I, в 1862–1881 гг. занимал пост наместника Его Императорского Величества на Кавказе. Именно по его инициативе V Всероссийский археологический съезд было решено проводить на Кавказе, в Тифлисе, на что сам великий князь выделил 15.000 руб. О спорах по поводу места проведения съезда см. [Смирнов 2011].

2011; Серых 2014a]. Выводы, сделанные исследователями об итогах съезда, обусловлены опорой на определенные источники: Труды и Протоколы подготовительного комитета съезда, Труды V-го Археологического съезда в Тифлисе, опубликованные по итогам съезда, а также Протоколы Подготовительного комитета, опубликованные до начала съезда в 1879 году. Все эти источники отражают влияние политики на научное знание, но мало иллюстрируют, как наука взаимодействует с обществом [5]. Следовательно, необходимо понять, как археологический съезд мог стать политическим событием для широкой публики.

В качестве источников для поиска ответа на этот вопрос взята периодическая печать 1881–1882 гг., освещающая Тифлисский съезд: статьи в газете «Кавказ» [6], статьи и карикатуры в журнале «Фаланга» [7], статьи в журналах «Русская мысль» [8], «Зодчий» [9] и «Исторический вестник» [10]. Достоинство такой подборки источников выражается в том, что, во-первых, она позволяет судить о репрезентациях съезда и для Кавказа («Кавказ» и «Фаланга»), и для метрополии («Русская мысль», «Зодчий», «Исторический вестник»); а во-вторых, разнообразие характера изданий (от художественно-юмористического журнала до ежедневной газеты) дает широкий спектр взглядов на съезд, политику и науку.

Здесь надо остановиться на вопросах авторства и публики, которой предназначались сообщения в печати. Определить автора можно далеко не всегда: чаще всего он либо не указывался вовсе, либо публиковался под псевдонимом. Но в отдельных случаях можно проследить связь между автором и стратегией, выбранной им

[5] – А.С. Смирнов в труде, посвященном съездам, уделял внимание одной из статей, анализируемых в данной работе [Смирнов 2011: 152]

[6] – «Кавказ» – политическая и литературная газета, включающая в себя анонсы различных культурных мероприятий, издававшаяся ежедневно в Тифлисе, но с возможной подпиской в Санкт-Петербурге и Москве. Газета выходила на русском и армянском языках, в данной работе анализируется русскоязычная версия газеты.

[7] – «Фаланга» – художественно-юмористический журнал, издавался в Тифлисе в 1880–1881 гг. Автором карикатур на съезд был Михаил Михайлович Чемоданов, известный по юмористическим зарисовкам на политические темы. Две из трех карикатур, посвященных съезду, были опубликованы в статье Д.В. Серых [Серых 2014b]. Ознакомиться с этим журналом можно в Журнальном фонде РНБ.

[8] – «Русская мысль» – научный, литературный и политический журнал, издавался в Москве в 1880–1918 гг.

[9] – «Зодчий» – архитектурный и художественно-технический журнал, с возможностью доставки за границу и рассрочками для студентов учебных заведений, издававшийся Санкт-Петербургским обществом архитекторов с 1872 до 1924 гг.

[10] – «Исторический вестник» – историко-литературный журнал, издавался ежемесячно в Петербурге в 1880–1917 гг.

для описания съезда. Так, статья, написанная В. Ф. Миллером, указывает на роль в организации съезда великого князя Михаила Николаевича и популярность съезда среди местного населения в том же стиле, в каком это делается в Трудах съезда [Труды... 1887; Миллер 1882] или же в мемуарах П.С. Уваровой [Уварова 2005]. Автор стремится сделать акцент на научном значении и содержании мероприятия, отдавая должное спонсировавшим его властям. Исходя из типа публики, на которую ориентировалась печать о съезде, можно предположить, что вопрос о месте Кавказа в империи казался актуальным не только для местного населения, но и для населения метрополии.

Вопрос финансирования съезда имеет две грани: с одной стороны, он ставит под удар науку, которая оказывается политически ангажированной. Так, финансирование съезда членом царской фамилии используется в историографии в качестве аргумента в пользу подчиненного положения науки по отношению к власти. Упоминание этой подробности присутствует и в источниках, чаще всего для того, чтобы показать значимость съезда в связи с покровительством российских властей [Кавказ. 1881. №198]. С другой стороны, в «Историческом вестнике», например, ставится под сомнение целесообразность действий властей через критику финансирования съезда [Исторический вестник. 1881]. Таким образом, вопрос об источнике финансирования служит обоюдоострым лезвием для науки и власти одновременно: критикуют не только ангажированность науки, но и власть, которая расходует на науку большие средства (в «Историческом вестнике» приводится цифра в 40 000 руб.). Также необходимо упомянуть, что финансово поддерживали съезд не только власти, но и различные транспортные компании, которые снижали стоимость проезда для членов съезда до суммы, которую компания должна уплатить государству [Кавказ. 1881. №189]. Этот факт — важное дополнение в разговоре об отношениях общества и археологии, так как в историографии принято делать акцент на зависимости съезда от государства в связи с его финансированием. Однако содействие негосударственных организаций, таких как транспортные компании, в финансировании мероприятия актуализирует вопрос о заинтересованности высших кругов общества во взаимодействии с наукой.

Также необходимо отметить дискуссионность понимания археологии обществом вообще, что неизбежно связывалось и с научностью съезда, и с его политической ролью. Тема значения археологии для общества и человека регулярно фигурирует в печати.

В газете «Кавказ» ведется спор между «простым обывателем», то есть представителем кавказской интеллигенции, и «приезжим археологом» [Кавказ. 1881. №202; Кавказ. 1881. №206; Кавказ. 1881. №208; Кавказ. 1881. №214] об эффективности привлечения к заседаниям съезда лиц, не имеющих к науке никакого отношения, а также о междисциплинарности проводимых заседаний. Итогом дискуссии явилась специальная статья, разъясняющая, что такое археология и чем она занимается [Кавказ. 1881. №214]. Пояснение, чем отличается археология от других гуманитарных наук, дает в своей статье и Н. Султанов [Султанов 1882]. Эта статья примечательна также критикой подчиненности съезда интересам империи: автор отмечает, что докладов, посвященных памятникам христианства, было сделано больше, чем докладов о восточных древностях. В историографии сообщается, что подобное разделение было проведено впервые [Смирнов 2011: 153].

Особого внимания заслуживает дискурс цивилизационной миссии империи и его критика. Хотя в статье в «Историческом вестнике» осуждается вложение больших средств в науку, в целом в ней поддерживается образ Российской империи как цивилизации. Н. Султанов, хотя и критикует излишнюю политизацию науки в вопросах изучения восточных древностей, но также выражает надежду, что съезд частично выполнил свою миссию по просвещению населения Кавказа. В этом смысле отличается журнал «Фаланга», который высмеивает не политизированность науки, а сам факт того, что проведением одного мероприятия власти империи хотят пролить свет цивилизации на Кавказ. В «Фаланге» публиковались статьи и карикатуры на съезд: на одной из зарисовок изображен граф Уваров, еще две посвящены археологическим экскурсиям. Некоторые сюжеты, изображенные на карикатурах, перекликаются с содержанием статей, опубликованных в других номерах «Фаланги». В одном тексте высмеиваются заседания съезда, в другом — археологические экскурсии. Главный герой этих статей — Бардзим Гивович Домхалидзе, грузинский помещик, приехавший на съезд, чтобы посмотреть на именитых гостей. Автор статьи в «Фаланге» с иронией описывает этого персонажа, тем самым показывая «успехи цивилизации» на Кавказе. Так, Бардзим освободил своих крестьян, но «по старой привычке» хочет подарить бывшего крепостного, знающего много сказок, В.Ф. Миллеру, узнав, что ученый их собирает [Фаланга. 1881. №37]. Представления о науке у Бардзима толком и нет, а историческое прошлое Кавказа он знает по сказкам няньки [Фаланга. 1881. №38]. В «Фаланге» также высмеивают-

ся ученые с плохими докладами, местные жители, преследующие именитых гостей, и даже сама идея научного знакомства на съезде местных и приезжих ученых. В это время в «Кавказе», издании, так же, как и «Фаланга», нацеленном на кавказскую публику, с одной стороны, формируется дискурс цивилизационной миссии империи с опорой на идею открытия Кавказа Европе [Кавказ. 1881. №207], высказываются надежды на открытие музея и университета [11], создается образ русских ученых — хранителей кавказского культурного наследия. С другой стороны, на страницах «Кавказа» публикуется и критика цивилизационной миссии — поднимается вопрос о целесообразности предоставления членства людям, не имеющим ученой степени [Кавказ. 1881. №202].

Таким образом, статьи, описывающие проведение съезда в Тифлисе, отображают не только факт проведения съезда как такового, но также и общественную рефлексию по поводу взаимоотношений науки и политики. Находясь в этих отношениях, политика и наука могут критиковаться через постановку проблем о роли, которую общество приписывает археологии. Большинство источников в той или иной степени поддерживают идею цивилизовать Кавказ, этот сюжет является важным не только для русифицируемого населения Кавказа, но и для имперского общества. И, поскольку цивилизовать Кавказ предполагается при помощи науки, это может означать, что общество осознает взаимосвязь между наукой и властью. Эта связь дает возможность авторам сообщений о Тифлисском съезде критиковать не только науку, но и политику.

[11] – Музей был открыт в первые же дни проведения съезда, однако «открытие» предполагало не создание нового музея, а лишь обновление выставки в музее, существовавшем до начала съезда [Керцева 2015]. Университет был открыт значительно позже, в 1918 г.

Список источников

1. [Исторический вестник. 1881] — Пятый археологический съезд в Тифлисе // Исторический вестник. 1881. Т. VI. С. 862–872.
2. [Кавказ. 1881. №189] — От распорядительной комиссии V археологического съезда // Кавказ. 1881. № 189. 27 августа.
3. [Кавказ. 1881. №198] — V археологический съезд в Тифлисе // Кавказ. 1881. № 198. 8 сентября.
4. [Кавказ. 1881. №202] — Вопросы, возбужденные в обществе V археологическим съездом // Кавказ. 1881. № 202. 13 сентября.
5. [Кавказ. 1881. №206] — По поводу передовой статьи №202 Кавказа // Кавказ. 1881. № 206. 19 сентября.
6. [Кавказ. 1881. №207] — Обед, данный городом в честь съезда // Кавказ. 1881. № 207. 20 сентября.
7. [Кавказ. 1881. №208] — К вопросу о недоумениях в среде общества по поводу V археологического съезда // Кавказ. 1881. № 208. 22 сентября.
8. [Кавказ. 1881. №214] — Что такое археология? // Кавказ. 1881. № 214. 30 сентября.
9. [Миллер 1882] — Миллер В.Ф. Пятый археологический съезд в Тифлисе // Русская мысль. 1882. Вып. 1. С. 17–36.
10. [Султанов 1882] — Султанов Н. Пятый археологический съезд в Тифлисе. Отчет действительного члена С.-Петербургского общества архитекторов, гражданского инженера Н. Султанова // Зодчий. 1882. Вып. 1. С. 8–12.
11. [Труды... 1887] — Труды V-го археологического съезда в Тифлисе 1881. Под ред. графини Уваровой. Москва: Типография А.И. Мамонтова и К., 1887. 411 с.
12. [Уварова 2005] — Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2005. 293 с.
13. [Фаланга. 1881. №37] — На археологическом съезде // Фаланга. 1881. № 37. С. 7–8.
14. [Фаланга. 1881. №38] — На археологической экскурсии // Фаланга. 1881. № 38. С. 6–7.

Список литературы

1. [Императорская археологическая комиссия 2009] — Императорская археологическая комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Науч. ред.-сост. А.Е. Мусин. Под общей ред. Е.Н. Носова. СПб: Дмитрий Буланин, 2009. 1312 с.
2. [Керцева 2015] — *Керцева Г.* О первоначальном этапе сбора археологических коллекций Кавказского музея // *History and Historians in the Context of the Time*, 2015. Vol. (14), Is. 1.
3. [Кокиева 2020] — *Кокиева А.Р.* V Всероссийский археологический съезд 1881 года в Тифлисе и культурная политика Российской империи на Кавказе в свете периодической печати 1881–1882 годов // XV Всероссийская археологическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы»: материалы конференции; Южный федеральный университет. — Ростов-на-Дону Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2020. С. 193–199.
4. [Колесникова и др., 2019] — *Колесникова М.Е., Ермоленко Л.П., Ашуба А.Е.* V археологический съезд и изучение кавказских древностей // *История: факты и символы*. 2019. Вып. 4 (21). С. 46–54.
5. [Лоскутова 2009] — *Лоскутова М.В.* Уездные ученые: самоорганизация научной общественности в российской провинции во второй половине XIX–первые десятилетия XX века II *Ab Imperio*. 2009. № 3. С. 119–169.
6. [Серых 2014a] — *Серых Д.В.* Всероссийские Археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX–начале XX вв. Казань: Отечество, 2014. 188 с.
7. [Серых 2014b] — *Серых Д.В.* Фотоматериалы Всероссийских Археологических Съездов дореволюционной России (к 137-летию IV Казанского Съезда) // *Поволжская археология*. 2014. Вып. 3(9). С. 41–55.
8. [Смирнов 2011] — *Смирнов А.С.* Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX–начала XX века). М.: Институт археологии РАН, 2011. 592 с.
9. [Тольц 2013] — *Тольц В.* «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедения в позднеимперский и раннесоветский период / В. Тольц; перевод с английского. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 336 с.

10. [Филлипс, Йоргенсен 2008] — *Филлипс Л., Йоргенсен М.В.* Дискурс анализ: теория и метод. Харьков, 2008. 352 с.
11. [Фуко 1999] — *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. Пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. — М.: AdMarginem, 1999. 480 с.
12. [Engelstein 1993] — *Engelstein L.* Combined Underdevelopment: Discipline and the Law in Imperial and Soviet Russia // *The American Historical Review* 98. 1993. № 2. P. 338–353.
13. [Ex Tempore 2000] — Ex Tempore: Orientalism in Russia // *Kritika Explorations in Russian History* 1. 2000. № 4. P. 691–727.
14. [Knight 2000] — *Knight N.* Grigor'ev in Orenburg, 1851–1862: Russian Orientalism in the Service of Empire? // *Slavic Review* 59. 2000. № 1. P. 74–100.

Александра Робертовна Кокиева
Национальный исследователь-
ский университет «Высшая школа
экономики» — Санкт-Петербург,
Департамент истории, бакалавр-
ская программа «История»
aleksandrakokieva@mail.ru

Aleksandra R. Kokieva
National Research University
Higher School of Economics
(Saint-Petersburg),
Department of History,
BA History programme
aleksandrakokieva@mail.ru